

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.0

ПОЭТИКА ЭКСПРЕССИОНИЗМА В РАССКАЗАХ Л. Н. АНДРЕЕВА 1910-Х ГОДОВ

М. А. Шестакова

Статья посвящена некоторым аспектам изучения поэтики русского писателя-экзистенциалиста Л. Н. Андреева. Особое внимание в работе уделяется вопросу влияния экспрессионистической поэтики и экзистенциальной философии на формирование художественного мира рассказов писателя. Соединение двух взаимодополняющих направлений в рассказах Л. Н. Андреева позволяет говорить об уникальности поэтики произведений писателя.

Экспрессионизм как направление в литературе и искусстве возник в первой четверти XX века в западных странах. В рамках направления последовательно реализовывалась идея радикального изменения изобразительного языка, что обусловлено появлением нового мироощущения людей. Общими принципами экспрессионизма как художественного явления стали разрыв с традициями искусства, а также эксперимент и новизна. Особую значимость в этом направлении приобретает отказ от требований правдоподобно изображать действительность, отсюда – подчеркнутая гротескность образов, «культ деформации в самых разных ее проявлениях» [1, с. 1222]. Доминантным признаком экспрессионизма является повышенная эмоциональность, экспрессивность в передаче основной идеи – жизни человека в отчуждении от враждебного ему мира. Личность безгранично одинока и вынуждена противостоять общественным институтам, чуждым для нее силам хаотичного и абсурдного мира. По этой причине совершается переход от изображения внешних событий и деталей к внутренним, душевным процессам.

Крупнейшим представителем экспрессионизма в литературе, бесспорно, следует называть Франца Кафку. Его герои страдают в одиночестве, не находя своего

места в жестоком, не принимающем их мире. С ними, как с героем рассказа «Превращение» Грегором Замзой, происходят абсурдные, алогичные события, которые разворачиваются в привычных условиях. Автор-повествователь остается беспристрастным к страданиям героев и рассказывает об их трагедиях с протокольной отчужденностью и холодностью. Кафка откровенно демонстрирует разобщенность людей. Герои его погибают, потому что их одиночество непреодолимо. Действительность, по Кафке, лишает человека всего человеческого. Произведения Ф. Кафки демонстрируют, что экспрессионизм в начале XX века в литературе является «выражением боли художника-гуманиста, причиняемой ему несовершенством мира» [2, с. 348].

В поисках новых средств выразительности большую роль играла поэзия, давшая начало направлению экспрессионизма в 10-е годы XX века в Германии. Виднейшими представителями нового направления в немецкой поэзии стал Г. Гейм, а в австрийской – Г. Тракль. Лириками была переосмыслена традиционная метафора, которая обрела в их произведениях принципиально новое звучание и смысл. Метафора стала новым способом осмысления действительности и новым способом выражения миропонимания поэта. Обновленная метафора была призвана поразить читателей неожиданной образностью, заставить его вслед за поэтом переосмыслить свое видение действительности.

© Шестакова Маргарита Александровна
(ritulya-lal@mail.ru),
студент V курса филологического факультета
Самарского государственного университета,
443011, Россия, г. Самара, ул. Потапова, 163/64.

В России новый аутентичный способ высказывания, новые средства выразительности пытался найти Л. Н. Андреев. В его творчестве содержится пример уникального метода соединения таких противоположных направлений и течений, как реализм и экспрессионизм.

Философская основа художественного метода Л. Н. Андреева была заложена в трудах представителей экзистенциальной философии – С. Кьеркегора, А. Шопенгауэра и Л. Шестова. Этот оригинальный метод реализуется у писателя во множестве приемов, в том числе и экспрессионистических. Поэтика его рассказов отличается яркой, впечатляющей, обостренной выразительностью; герои всегда находятся в состоянии отчаяния, страха, тревоги, которые вызваны необходимостью сделать решающий сложный экзистенциальный выбор. Сложность выбора обусловлена и обостряется неизбежностью смерти. Писатель показывает внутренний мир героя, пытающегося разрешить заданный смертью вопрос существования. На первом плане оказываются субъективные чувства и рассуждения героя, что становится проявлением экспрессионистской поэтики, доводящей степень напряжения повествования до болезненной нервности, резкости, чрезмерности. Новый взгляд писателя на вечные вопросы человеческого существования находит отражение в поэтике рассказов, в переосмысленных и новаторских приемах.

В рассказе «Полет» (1913) главным героем является «опытный» офицер-пилот Юрий Михайлович Пушкарев. Выбирая профессию главного героя, автор помещает его в экзистенциальную ситуацию. Мысли о возможной гибели появляются у героя, но до определенного момента повествования они носят парадоксальный жизнеутверждающий смысл: «Упаду так упаду ... что ж с этим поделаешь; а может быть... и обману смерть, проживу до старости... О чем же гадать?» [3, с. 301]. Мысли о смерти на протяжении всего рассказа контрастируют с желанием жить, они не дают герою покоя, но «на деле это спасение человека ценой его разрушения» [4, с. 354].

Нервное напряжение в рассказе нагнетается серией экспрессионистских штрихов: герой несколько раз думает о смерти по-

разному; его жена перед полетом думает, что не могла бы поверить в смерть мужа, даже если бы увидела его тело; товарищи обращаются к герою за своеобразным наставлением перед полетом. Даже просьба товарища о поддержке перед полетом сформулирована экспрессионистически-абстрактно: «Скажи серьезно, как честный человек: ничего? А?» [3, с. 310]. Понять просьбу можно только исходя из контекста. Полет и смерть героя изображены через его поток сознания с повторяющейся мыслью: «Нет! На землю я больше не вернусь» [3, с. 315].

Писатель говорит о смерти героя с позиции «всезнающего автора»: «На землю он больше не вернулся. То, что, крутясь, низвергалось с высоты и тяжестью раздробленных костей и мяса вдавилось в землю, уже было ни он, ни человек – никто... На землю он больше не вернулся» [3, с. 316]. Л. Н. Андреев демонстративно разделяет душу и тело, приводит героя через физическую смерть к прорыву в иное бытие, разрешая таким образом проблему существования героя. В этом проявляется специфика смерти и особенность экспрессионистической поэтики, разделяющей бытовое и бытийное.

В рассказе «Он (Рассказ неизвестного)» (1913) Л. Н. Андреев обнаруживает сходство с немецкими экспрессионистами в демонстрации раздвоения «я» личности, ее субъективности как форме проявления иррациональности. Повествование в рассказе ведется от лица героя. Читатели являются свидетелями того, что происходит в его сознании: «анализ мира, затуманенный наплывами иррационального» [4, с. 362]. Иррациональный образ некоего являющегося герою существа деформируется из-за экспрессионистского субъективного взгляда героя. Эти встречи приводят героя к «болезненной нервности», которая является отличительной чертой экспрессионистской поэтики Л. Н. Андреева. Напряженное состояние поддерживается традиционным приемом контраста, который в данном рассказе трансформируется автором: в семье господина Нордена в понимании смерти стараются не делать акцента на ее трагичности. Норден говорит о смерти дочери с улыбкой, он принуждает всех в доме натянуто смеяться. Сцена веселья доведена до гротескного за-

острения: хозяин, кривляясь, заставляет всех, включая гувернантку и лакея, встать на колени и просить героя веселиться с ними. Особый интерес вызывают выражения, в которых описана сцена: Нордон «резвился, как мальчик», он велит «шутливо умолять» героя-рассказчика присоединиться к их странному и страшному безудержному веселью, отчего герою становится «дико, болезненно смешно, как от смертельной щекотки» [4, с. 274]. Сам он, говоря о таких сценах, использует выражение «судороги веселья» [4, с. 278].

Контраст преобразуется в антиномию: детали и образы не разъединяются, а наоборот, «стягиваются», соединяются в неразрешимом противоречии. Перерастание традиционного средства контраста в нетрадиционный прием антиномии является отличительной чертой экспрессионистической поэтики Л. Н. Андреева. Гротескное искажение понятий и предметов служит превращению реального образа в ирреальный, иррациональный: герой видит безмолвного господина то человеческого роста, то ростом в два этажа. В описании гостя лишь однажды дан ряд деталей его внешнего облика – портрета, а в остальных случаях мы узнаем только об эмоциональных реакциях героя на таинственные посещения. Наибольшей же экспрессии, на наш взгляд, «ужасный» гротеск достигает в рассказе «Красный смех» в потоке сознания героя, образах-символах солнца, красного смеха и завершающей чудовищной картины явления мертвых, которая абсолютно иррациональна.

Экспрессионизм предстает в творчестве Л. Н. Андреева как искусство «отчаяния и боли». Иррациональные образы связаны с передачей «крайних» чувств и психологических состояний (отчаяния, боли) и выражают абстрактный обобщающий смысл. В рассказе «Правила добра» (1911) иррациональный образ реализуется в персонаже – пожилым черте Носаче, который принял решение научиться творить добро. Герой знакомится с попом, который пытается научить его правилам добра. Экспрессионистская контрастность заключена уже в одном иррациональном образе зла, которое желает творить благо. Можно увидеть в этом образе аллюзию на «Фауста» Гете. Но если Мефистофель у Гете

есть часть «силы той, что без числа творит добро, всему желая зла» [5, с. 76], то персонаж Л. Н. Андреева хотя и является воплощением зла по своей природе, однако его не желает. Автор произведения трансформирует сюжет Гете: вопреки стараниям героя, как только он идет в мир, чтобы творить добро, неизменно творит зло, потому что такова его природа, и он не способен понять человеческих законов добра и зла. Черт не препятствует убийству беззащитной женщины с ребенком и убивает сам в других случаях.

Экзистенциальный мотив смерти «разыгрывается» в рассказе во многих событийных вариантах, противоречие которых отмечает черт. Именно таким образом писатель заостряет внимание на постулате экзистенциализма – абсурдности мира и бессмысленности жизни личности. Поп радостно зовет черта смотреть, как будут жечь еретика. Свою радость поп объясняет счастьем за освободившуюся и очищенную душу. А черт вспоминает заповедь «не убий» и по-своему смотрит на происходящее: *«Еретика долго жгли, и народ радовался. Приятно было и черту: немного напоминало ад; но вдруг вспомнилась муха, которой он не смел тронуть, и сразу затрещали в голове противоречия»* [3, с. 29]. Смерть в рассказе идет рядом с героем, но не грозит ему как человеку. Иррациональный образ реализует в этом рассказе функцию обобщения: он призван обострить проблему существования человека, показать, как тот становится орудием зла.

Экспрессионистическая поэтика позволяет показать мятежный дух ищущего человека, находящегося в конфликте с окружающим миром. Отец Иван из рассказа «Сын человеческий» является одним из героев такого типа. Через описание «странных» поступков героя, таких как яростное желание сменить фамилию, вероисповедание, исследование граммофона, происходит движение к обобщению. Отец Иван готов терпеть отчаяние, одиночество, отчуждение, наказание, но сохранять свой мятежный настрой. Только так может существовать этот герой. Он отстраняется от окружающего быта, но не через смерть, а благодаря сознательному и упрямому продвижению к своей на первой взгляд «бытовой» цели. Сцены из жизни написаны лаконично при помощи

метких, точных деталей. Автор, благодаря переходу от бытового к бытийному, поднимается на уровень философского осмысления жизни во всех ее проявлениях.

Экспрессионизму свойственен абстрактный, внеисторический подход к социальным проблемам. Л. Н. Андреев решает «вечные» вопросы человеческого бытия в отвлечении от социальной действительности. Его герои сосредотачиваются на личном переживании, потому что только через него они способны пробиться к пониманию проблемы существования и ее решению. Поэтому герои отчуждены от мира, хотя повествование дается с их субъективной позиции. Такой прием достижения напряженности повествования позволяет в полной мере передать острое субъективное видение героя. В свою очередь, это приводит к резкой градации смысловых акцентов, что выражается в гротескном изображении ужасного. Говоря об ужасном в жизни, писатель обостряет сказанное присутствием иррационального, непознанного и непознаваемого, без выхода за пределы сложившегося течения жизни. Именно эта граница познания не дает покоя героям и по-разному ими осмысливается и преодолевается.

Таким образом, экспрессионистская поэтика Андреева отмечена специфическими чертами и характерными приемами, а именно: наличием яркой экспрессии, обостренной выразительности; превалированием субъективных чувств, гротескных и иррациональных образов, образов-символов; контрастом, резкостью акцентов, переходом от бытового к бытийному и от вещественного к предельно условному. Эпоха, в которой жил и творил Л. Н. Андреев, формировала иное, в сравнении с предшествующими, сознание творческой личности, которое принимало

соответствующие этому сознанию формы. Этим объясняется особый выбор приемов и средств художественной выразительности, при этом экспрессионизм максимально заостряет, переосмысливает традиционные приемы или использует свои оригинальные новаторские средства. Среди нетрадиционных приемов экспрессионизма выделяется поэтика иррационального, в которой ярко демонстрируется гротескная деформация образов, предметов и явлений и переход традиционного приема контраста в антиномию.

Анализ рассказов Л. Н. Андреева 1910-х годов позволяет сделать выводы об особой роли творчества писателя, в котором происходит объединение экспрессионистических способов высказывания с экзистенциальной концепцией существования человека, что указывает на уникальность условий формирования русской литературы начала XX века в сравнении с европейской, в которой экспрессионизм предвосхитил появление экзистенциализма в художественных произведениях.

Литература

1. Николукин А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК Интервалк, 2001. 1600 с.
2. Бореев Ю. Эстетика. М.: Высшая школа, 2002. 511 с.
3. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. С. Чулкова, Н. Жильцовой. М.: Художественная литература, 1994. Т. 4. 639 с.
4. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. С. Чулкова, Н. Жильцовой. М.: Художественная литература, 1995. Т. 5. 511 с.
5. Гете И.-В. Фауст. М.: Художественная литература, 1969. 522 с.

Статья поступила в редакцию 12.03.2013 г.